

равшееся каждую субботу, когда она ходила собирать деньги съ должниковъ своего хозяина.

— Да, все.

Старикъ слѣзъ съ табурета, и тогда оказалось, что это совсѣмъ маленькій старичекъ, и удивительно было, какъ это онъ умѣлъ импонировать людямъ своей персоной.

— Я сообщилъ тебѣ все, что слѣдуетъ, но увѣренъ, что ты принесешь только четверть того, что слѣдуетъ, и цѣлый кулъ извиненій. Имъ нечѣмъ заплатить и они станутъ вратъ напраую. Бѣдняковъ совсѣмъ не должно было бы быть на свѣтѣ. Я обанкручусь и закрою лавочку, вотъ увидишь. Уѣду въ Новую Зеландію. Ты поѣдешь со мной, если хочешь, а бабушка отправится въ богадельню. Такъ-то, Джулія. Ну, теперь все въ порядкѣ. Чего-жъ ты ждешь?

Слова были рѣзки, но манеры мягки. Джулія кивнула головой и собиралась спрятать карандашъ и записную тетрадку. Но вдругъ лицо ея поблѣднѣло, а голова закружилась, въ глазахъ потемнѣло и Джулія упала бы, еслибъ старикъ не поддержалъ ее и не посадилъ на свое кресло. Съ ней былъ легкій обморокъ и она тотчасъ же пришла въ себя. Она сидѣла блѣдная и ошеломленная.

— Что съ тобой, дѣвушка?—закричалъ старикъ. — Лучше тебѣ?

— О, да,—отвѣчала она, озираясь кругомъ.—Это пустяки. Мнѣ что-то нездоровится. Быть можетъ, въ комнатѣ слишкомъ жарко.

— Пустяки!—повторилъ онъ сердито.—Жарко въ комнатѣ! Не лги, дѣвушка! Твой, каналья, дѣдушка, опять видно напился вчера вечеромъ и сегодня утромъ нѣтъ денегъ въ домѣ и не на что позавтракать.

Джулія опустила глаза. Этихъ словъ нельзя было опровергнуть. Дѣйствительно, склонность ея дѣда пропивать и проматывать фамиліные доходы была такъ извѣстна, какъ еслибъ онъ былъ Людовикъ Четырнадцатый.

— А вчера тебѣ не чѣмъ было поужинать, вернувшись изъ театра?

Старикъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Безъ ужина, да безъ завтрака, вотъ и немудрено, что ты проводишь мое драгоценное время въ обморокахъ.

Джулія не отвѣчала, но виновато повѣсила голову.

— Посмѣй только встать у меня съ кресла, пока я не вернусь.